Их двое в полупустой квартире: старик и мальчик. Вечер. Городишко маленький, поэтому вместе с сумерками приходит и тишина. От фонаря за окном кажется лакированно-блестящей бутылка дешевого портвейна, неровные блики, просеянные сквозь листву растущего у дома тополя, неслышно шевелятся на клеенке, которой покрыт стол.

Мальчик боится зажигать свет: полупустые комнаты станут еще чище, еще страшнее. Он жмется к старику, но ничего не говорит. Когда старик разливает вино по стаканам, мальчику чудится, что кто-то рядом лопочет бессвязно, и он вздрагивает в испуге, но быстро успокаивается — это бормочет старик.

Старик берет свой стакан и долго-долго молчит, глядя куда-то в угол.

— Ну, давай помянем маму твою, Андрюша... Чтоб душе ее там легко было. И уже подносит стакан к губам, как вдруг замечает, что мальчик тянется к нему своим стаканчиком.

— Нет, брат, чокаться нельзя,— говорит старик и разом выпивает.

Пьет и мальчик. Неумело, захлебываясь, задыхаясь от резкого неприятного запаха, он глотает вино. Внутри все начинает гореть, на глаза наворачиваются слезы. Старик сует ему кусок хлеба с салом:

— На-ко, закуси, легше станет.

И впрямь, жжение проходит, оставляя приятную теплоту. Мальчик стирает выступившие слезы. Голова слегка кружится; страхи куда-то подевались и мальчику хочется сказать старику что-то хорошее. Он

смешно вытягивает тонкую шейку, на которой, как и на щеках, проступили красные пятна, и говорит:

— А знаешь, деда, я совсем не плакал, когда маму хоронил (он так и говорит «хоронил» а не хоронили).— Даже когда поцеловал ее!..— и он ждет что старик похвалит его.

Старик треплет мальчика по плечу:

— Ты молодец. Крепкий. Стерпел.

Мальчику похвала приятна, но ему хочется чего-то большего:

— Деда,— спрашивает он,— а ты плакал, когда твоя мама умерла? Тебе страшно было?— и еще какие-то вопросы задает он заплетающимся от усталости и выпитого вина языком...

Старик что-то отвечает, но мальчик уже не слышит. Привалившись к плечу деда, он спит, и головка его клонится все ниже и ниже, пока, наконец, он весь не падает к старику на колени. Старик, допивавший остатки вина, было поперхнулся, но быстро унимает кашель; сует в рот кусочек хлеба, бережно берет мальчика на руки и относит в кровать. Потом, не спеша, раздевается и ложится сам.

Ночью мальчику снятся брат, дедушка с бабушкой. Вот они в комнате.

Оживленно говорят, потом вдруг все разом исчезают, и неизвестно откуда появляется мама. Она обводит комнату невидящим взглядом, пересекает ее, едва не задев мальчика, и направляется к выходу. Двери распахиваются сами, за ними снова комната, в конце ее еще одни двери, потом еще комната и еще двери... Мальчик видит, как мама медленно уходит, но не может сдвинуться с места: рук не поднять, ноги точно приросли к полу...

Он кричит...— и просыпается. Несколько минут мальчик лежит, боясь даже пошевелиться; но понемногу глаза начинают различать знакомые вещи: книжную полку, коврик на стене, будильник. Близкое похрапывание старика успокаивает мальчика окончательно, и он снова засыпает.

...А люди все идут и идут. Еще бы — станут ли торговаться, продавая вещи умершей? Но старик, несмотря на кажущуюся простоту, настойчив, в меру хитер. Мальчику эта процедура интересна и неприятна одновременно. Интересна потому, что — суета, разные лица, разговоры. Неприятна — многие вещи напоминают мать. Вот ковер, он висел над ее кроватью. Его купила знакомая мальчику женщина. Не то подруга, не то сослуживица. Вздыхая и глядя на мальчика ув-

лажнившимися глазами, она торговалась со стариком. Рука ее гладила голову мальчика:

— Бедный сиротка, несчастненький!..— и всякий раз, когда старик называл большую, чем ей хотелось цену, больно дергала мальчика за волосы.

Быстро продаются большие и дорогие вещи: сервант, спальный гарнитур, трюмо, книжный шкаф, шуба... Медленнее и неохотнее покупаются те, что поменьше. Снова и снова бесцеремонно трогают, щупают, мнут; бесцеремонно входят и выходят знакомые и незнакомые люди.

«Для памяти…», «в память о…», «на память...» — только и слышится на разные голоса. А главное — подешевле. К концу дня у мальчика начинает болеть голова, у старика прихватывает сердце. Он то и дело морщится, иногда хватается левой рукой за грудь. В один из моментов, когда никого нет, мальчик пишет что-то неровными буквами на листе бумаги и прикалывает его кнопкой на дверь с наружной стороны. Потом, довольный своей выдумкой, запирает дверь на ключ. Он написал: «Закрыто на учет»

Старик сидит на одном из двух оставшихся стульев и тяжело дышит. Мальчик обнимает его:

— Устал, деда? Ничего, я дверь закрыл, больше не придут. Старик улыбается и треплет мальчишку по худенькому плечику.

...Снова вечер. Мальчик сосредоточенно копается в немногих оставшихся вещах. Среди них — ящик с безделушками, фотографиями, бумагами. Старик на кухне считает деньги. Он уже немного хватил из стоящей перед ним бутылки, и поэтому его крупный пористый нос покраснел, глаза под клочковатыми, тронутыми сединой, бровями весело блестят.

— Слышь, Андрюшка!— чересчур громко кричит он,— за две тыщи перевалило!.. Эдак ты у меня миллионером станешь!— он подмаргивает самому себе и наливает в стопку ровно столько, сколько необходимо, чтобы взять ее трясущейся рукой и донести до рта, не расплескав. Крякнув и закусив, он продолжает:

— Вот положим их на книжку, и они начнут расти! Ты растешь — они растут. О-ох, Андрюшка, много денег будет, когда вырастешь!.. И на свадьбу и на обзаведенье хватит!..

Но мальчик не слышит. Он выкопал из вороха бумаг общую тетрадь в коричневом переплете. Страницы ее тесно исписаны знакомым маминым почерком. Мальчик раскрывает наугад и пробегает глазами

страницу. Даты, даты… Дневник? Похоже. Мальчик, почти бездумно скользя взглядом по строчкам, вдруг мгновенно бледнеет, лоб его покрывается холодным потом, большие и ясные глаза останавливаются, омертвев, будто залитые стеклом. Мальчик читает:

— «Господи, какое это странно-сладкое ощущение — смерть! Сначала страшно, больно, веревка сжимает горло, душит; боль раздирает грудь — хочется воздуха, воздуха!— но потом сразу, вдруг наступает блаженство, тело становится легким-легким, исчезает противный шум в ушах и ты летишь, летишь куда-то; ощущение такое, как будто кто-то большой и нежный взял в ладонь твою истерзанную душу и баюкает ее ласково и осторожно... Но вдруг все пропало!.. Как жаль, что этот гвоздь не выдержал...»

Дальше мальчик читать не может. Он внезапно теряет сознание и падает головой вперед, ударяясь о ящик, но боли не чувствует. В себя он приходит уже в кровати, с мокрым полотенцем на лбу. Старик сидит напротив. Он смотрит на мальчика, не мигая, по щекам его медленно текут слезы.

— Деда, не плачь,— тихо шепчет мальчик,— видишь, все в порядке, я сейчас встану!..

Он делает попытку подняться, но комната поворачивается набок, потом пол и потолок меняются местами, и мальчик, снова теряя сознание, вместе с кроватью летит неизвестно куда...

Он не знает, что нервная горячка надолго уложит его в постель, что болезнь оставит ему столько сил, сколько хватает, чтобы улыбаться одними губами приходящему его навестить старику. Но это не беда, мальчик поправится, вернется к жизни и будет знать о том, что произошло: ему расскажут. А потом он вспомнит все сам.

Лишь одного никогда так и не узнает мальчик — что в тот день, в тот час ушло куда-то его детство.

Вот почему с тех пор он никогда не плачет. Его считают странным, и мало кто дружит с ним. А старик, поздно вечером, когда все уже спят, садится у кровати мальчика, смотрит в упор на его даже во сне не по возрасту серьезное лицо и что-то бормочет бессвязно и глухо.